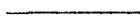

византийскими и южнославянскими,³⁰ но и западнославянскими, в том числе католическими источниками, предположить можно. Что же касается путей проникновения последних источников, то они могли быть и окольными и прямыми: если Паннонские легенды о славянских просветителях пришли к нам из Болгарии, где нашли приют их ученики, то для Жития св. Вита и легенд о князе Вацлаве такой окольный путь мало вероятен. Но в обоих случаях мы имеем дело с памятниками древней чешской литературы, проникшими в Киевскую Русь и отразившимися в древнейших памятниках русской литературы, в том числе — в первом ее «Слове». А это уже — факт русско-чешских литературных связей древнейшего периода.

Все сказанное в предлагаемой статье не больше как предположения. Основываясь на материалах незаконченного исследования Н. К. Никольского, ее автор считает возможным, что Иларион знал и творчески использовал в своих произведениях некоторые памятники древней мораво-чешской литературы. Дальнейшие исследования вопроса о западнославянских элементах творчества одного из первых русских писателей должны показать, является ли эта возможность действительностью.

³⁰ Некоторые выписки из памятников византийской и южнославянской литературы, сделанные Н. К. Никольским для сравнения с произведениями Илариона, выглядят весьма убедительно. Приведем два примера — из Георгия Амартола (л. 157) и Козмы Пресвитера (л. 21).

Амартол

Мимоседъши идолстей предести, неразумья мрак изгнася и светлаго разума луча всю вселенную исполниша. Елени и Ромей распятого бога славять и противу много жепарицаемии бози Троице единой работающе. Бесови храме разорени быша и капища идольския искоренишася и церкви светлые утвердишася.

Козма

Жидове, прочитающе пророчества, не разумеша, иже беседоваху о страстях господних. По вся сублиботы прочитающе пророчески книги, самоубийца быша Христови.

Иларион

Тогда начать мрак идольский от нас отходити и заря благоверия явишися. Тогда тьма бесовскаго служения погыбе и солнце евангельское землю нашу осия. Капища раздрушишася и церкви поставляюся, идолы съкрушаются и иконы святых являхуся, беси пробегашу — крест грады освящаше... Все людие исполньше святыха церкви въславивша глаголюще: един свят, един господь (40).

Иларион

Ведущеи бо закон и пророки распяша и; ты же ни закона, ни пророк почитав, распятому поклонишя (41).

Есть у Н. К. Никольского немногочисленные выписки-параллели к Илариону и из памятников позднейших — Чтений о Борисе и Глебе, сочинений Кирилла Туровского, летописей, подбирившиеся, вероятно, в плане определения «места „Слова о законе и благодати“ в эволюции русского литературного творчества».